

Мы уже до того дожили на белом свете, что философы и моралисты усомнились в существовании дружбы, а поэты и романисты загнали ее в книги и так изуродовали ее, что кто не видал ее в глаза, тот никоим образом ее не узнает. В самом деле, неужели можно назвать священным именем дружбы эти связи, основанные на мелких расчетах самолюбия, эгоизма или взаимных выгод? Мы видим людей, которые живут двадцать, тридцать лет в добром согласии, действуют заодно, никогда не ссорятся, доверяют один другому, и говорим, вот истинные друзья. Таких друзей много. Есть люди, которые входят в тесный союз, с тем чтобы ненавидеть третьего и вредить ему. И этот союз называют в свете дружбою! Есть сто различных родов подобной дружбы, и вы от подобных друзей услышите повторение избитых речений: "Чтобы узнать человека, надобно съесть с ним две бочки соли". Испытанные друзья! Другой вам скажет: "Деньги оселок дружбы, а мы уже не один миллион разделили согласно". О, нежные друзья! "Я и дети мои обязаны другу моему местами и наградами. Он воспользовался милостью своего покровителя и облагодетельствовал нас". Тут нет уже дружбы. Дружба не вмешивается ни в дела, ни в расчеты. Да что ж такое дружба? Право, не умею истолковать. Нет никакого сомнения в том, что все мы, т. е. люди, чрезвычайно любим себя и ужасно нравимся самим себе. Дружба есть волшебство, чародейство. Посредством непостижимого очарования дружба представляет нам вас самих в другом лице и вы привязываетесь к этому лицу, как к самому себе: вот вам и дружба. Друг ваш не похож на вас, ни лицом, ни нравом, нет нужды. В вас самих лета и болезнь изменяют лицо, вы сами не всегда одинакового нрава. Но главное: чувствования и образ мыслей у вас и друга одни и те же. Вот где моральное тождество мыслей и сходство. Вы скажете: мало ли людей с одним образом мыслей и с одними чувствованиями; неужели все это друзья? Дело в том, что эти чувствования и мысли не стоят гроша. Дружба не принимает чувствований и мыслей на вес, на меру и по тарифу. Истинные друзья могут ссориться между собою, гневаться один на другого, даже бранить друг друга, точно так же, как мы бываем недовольны собою, гневаясь на себя и сознаемся в своих ошибках. Сказать о друге: он не способен ни к чему дурному, а в этом случае поступил неблагоприятно, есть то же, что сказать: сознаюсь, что я поступил неосторожно. Вы будете ссориться, гневаться и будете душевно любить друг друга... Это настоящая дружба, а дружба есть точь-в-точь любовь. Истинной любви нет без дружбы, а дружбы - без любви.

Но как люди дружатся? Уже верно не за шампанским, не за красным сукном, не в беседах и не вследствие долговременного испытания. Сошлись, увиделись и полюбили друг друга навеки... За что? А бог знает... так... ни за что. Ему что-то во мне понравилось; мне нравится в нем все, голос, приемы, движения, мысли, чувства, образ изъяснения. Наконец, чем долее мы узнаем друг друга, тем более привязываемся, и все-таки не зная за что. Если он имеет сатирический дух, то даже замечает мои смешные стороны и хохочет. На другого я бы гневался, а с ним хохочу сам над собою, подшучиваю над ним... то есть: мы думаем и чувствуем вслух, разделяем все, не думая о разделе, доверяем вполне друг другу, не помышляя о доверенности и недоверчивости, а все это потому, что в нем я вижу себя и притом в лучшем виде. Я уверен даже, что он лучше меня, т. е. это я в праздничном наряде.

Я вам расскажу, как я подружился...

Я жил в Варшаве, на Свентоюрской улице, в небольшом каменном доме на улицу, принадлежавшем в то время почтенному старику немцу, Г. Каминскому, который каждый праздник присылал мне цветов из своего садика и удивлялся, что я предпочитаю прогулки в поле и в лесу на Белянах, на Воле и т. п. спокойному наслаждению видом цветов и зелени из его беседки. В один день, когда тучи угрожали дождем, я, вместо обыкновенной прогулки за город, пошел в ближайший публичный сад, называемый садом Красинского. Это было в 8 часов утра. Прогуливающимся не было вовсе. Обошед несколько раз весь сад, я сел отдохнуть на скамье. На другом конце сидел молодой человек, в гусарском долмане, с унтер-офицерскими галунами. Он был бледен, как труп. На лице его изображались яркими чертами недуг телесный и скорбь душевная. Взор его был полупомеркший. Но лицо его сохраняло остатки красоты необыкновенной. Черты его имели правильную азиатскую форму; черные волосы вились в кудри, и в физиономии отражались ум и добродушие. Ему было около двадцати лет. Пушок едва твердел на усах. Взглянув на